

НОРА СМИТ

Дер. База

ДЕТИ С МАЯКА

„ПОСРЕДНИК“
МОСКВА
1927

Б
С 509

НОРА СМИТ

НА ДОМ
НЕ ВЫДАЕТСЯ

C-509

ДЕТИ С МАЯКА

Перевод О. Горбуновой-Посадовой

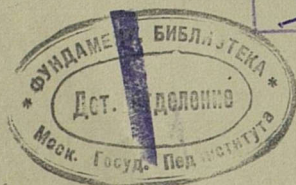
С рисунками

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

„ПОСРЕДНИК“
МОСКВА—1927

Б
C509

Обложка Н. С. ТРОШИНА.

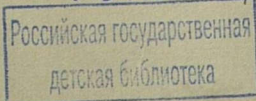

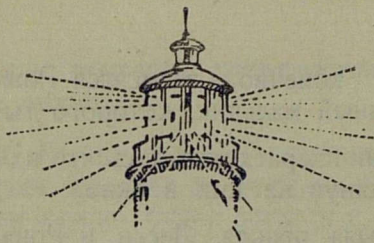
Главлит 91 239.

Тираж 5.000.

Тип. КНИГОСОЮЗА. Москва, Большая Дмитровка, 26.

643435 КХ-рег

I.

Остров.

— Хо-ери-чешь-ери ты-ери пой-ери-ти-ери со-ери мной-ери иг-ери-рать-ери?—закричал Рональд с маленькой зеленой лужайки перед маяком.

— Да-ери, хо-ери-чу-ери!—ответила Лесли. Она засунула книгу в расселину скалы, вскарабкалась по утесу, как горная козочка, и добралась до Рональда, едва переводя дух.

— Во-ери что-ери бу-ери-дем-ери мы-ери иг-ери-рать-ери?

— Я не придумал еще,—сказал Рональд, переходя с их „тайного языка“ на обыкновенный английский.—Может быть, взять Дженни Линд и привезти разных цветов для нашего садика? Мы можем сами их выкопать.

— Ну, какая это игра,—возразила Лесли,—это такая трудная работа.

— О, ничто не бывает работой,—сказал Рональд,—если это делать для игры.

— Ты самый смешной мальчуган, Ронни, какого я когда-нибудь знала за всю мою жизнь!—воскликнула Лесли.

— Ну, конечно,—засмеялся Рональд,—ведь я единственный мальчик, которого ты знала!

Оба они так расхохотались, что их мать улыбнулась, взглянув на них в окно.

Эта была правда. Лесли и Рональд, хотя им было уже—девочке одиннадцать, а мальчику восемь лет,—были единственными детьми на острове, единственными детьми, которые когда-либо жили здесь. Но это вовсе не значило, что они были здесь единственными молодыми существами. На острове жило десятка два легконогих козлят, много цыплят и пугливых кроличат, ручной ворон „Джим“ и бесчисленное множество птенцов морских птиц, которые жили в углублениях утесов.

Взрослых на острове жило также не мало: отец и мать детей—Малькольм и Маргарэт Мак-Лин и старый моряк мексиканец Панчо Лопец, которого обычно звали „Хромоногий“. Потом была ослица, Дженни Линд. Ее звали так по имени знаменитой певицы за ее сильный и мелодичный голос. Потом были, конечно, еще родители всех цыплят, кроличат, козлят и морских птиц. В лужах и на скалах жили большие и маленькие медузы, морские звезды, крабы и морские анемоны. Все эти существа населяли остров и прибавляли ему веселья.

Впрочем, ведь весело было на острове не поэтому, а оттого, что просто Лесли и Рональду Мак-Лин было всегда весело. Такие уж они были веселые ребята.

Они все еще хохотали, когда услышали шум колес и стук копыт.

— Бежим, Ронни, скорее!—воскликнула Лесли.—Посмотрим, не едет ли отец на берег. Может быть, нам можно будет поехать с ним.

— Эй! Папа! Папа!—кричал Рональд.— Подожди нас!—И дети побежали изо всех сил к утесу, из-за которого слышался топот копыт.

Ослица остановилась, повернула к детям голову и умно смотрела на них, пока они карабкались вниз по скалам к тому месту, где остановилась повозка.

Остров, на котором жили дети, был одним из островов Сан-Францисского залива в Америке. Он был не велик,—может быть, всего километров пять в окружности. Весь он был покрыт скалами. Там были высокие серые скалы, торчащие над водой, как наконечники пик. На них могли жить только морские птицы. Там были громадные плоские скалы, похожие на стены замков с башнями и бойницами. Между ними повсюду валялись глыбы гранита. Там было десять триллионов, сто сорок один биллион, пятьсот девяносто семь миллионов, шестьсот девятнадцать тысяч, четыреста три камня и камешка разных размеров. И все они валялись вдоль берегов.

На острове совсем не было отлогого берега: это был скалистый остров с высокими берегами, и старый океан пел и вздыхал, смеялся и ревел,

ударяясь о его берега. Ни двуногие, ни четвероногие, ни даже многоногие существа не смогли бы подвезти груз с берега к маяку по такой дороге. Поэтому Мак-Лин с помощью Хромононого и человека, нарочно приехавшего для этого на неделю с материка, проложили вниз рельсы. Правительство прислало на остров маленький вагончик, который легко возила по рельсам Дженни Линд. Так на острове появилась своя собственная железная дорога. И она была не очень уж короткая.

— Мы спустимся вниз к складу за маслом,— сказал отец, оглядываясь через плечо на ребят со своего места спереди.—Вы можете остаться там ненадолго с Хромоногим, если хотите, или же вернетесь вместе со мной.

— О, с Хромоногим! С Хромоногим!—воскликнул Рональд.—Может быть, он захочет рассказать нам какую-нибудь историю.

—Может быть, захочет,—сухо сказал отец, кивнув головой.—Он всегда рад вам рассказывать, вместо того, чтобы работать.

— Может быть, это тоже работа, если самому выдумывать истории,—сказал задумчиво Рональд.

— Но он не выдумывает,—сказала Лесли,—все это с ним случалось.

— Нет, не все,—запальчиво сказал Рональд.— Не могла же с ним случиться такая история, как „Белый туфель“.

— Нет, не „Белый туфель“,—согласилась Лесли.—Знаешь, мне хотелось бы, чтобы он рассказывал нам стихотворения, такие, как иногда читает

мама. Прошлой ночью я сама придумала одно стихотворение о Дженни Линд.

— О Дженни Линд? Не могла же ты выдумать стихотворение об ослице?

— Вот послушай и увидишь, как я не могла,—воскликнула Лесли.

„Раз к Дженни Линд косматой нашей
Подкрался ветер силы страшной
И, сдув ее через утес.....“

Через утес... через утес... А какая же была последняя строчка?

— Он превратил ее в бомбос,—расхохотался Рональд.

— Такого и слова нет „бомбос“,—возразила Лесли.

— Оно совсем такое же хорошее, как „утес“,—ответил Рональд.—Правда, папа?

Отец не слушал их болтовню и в ответ про-
бормотал что-то такое, что могло значить и да
и нет. Потом он подхлестнул Дженни Линд кон-
цами вожжей, и она побежала, высоко вскидывая
задние ноги. Дети подпрыгивали в повозке и
ударялись об ее дно и стенки. Тут уж было не
до стихов.

II.

Панчо и его каморка.

Хромоногий стоял в дверях склада, приветливо кивая детям головой, и его черные глаза блестели от радости.

Он проковылял вниз по лестнице, чтобы привязать осла, и потрепал по дороге по голове детей. Они прыгали вокруг него, как щенята.

— Мы-ери при-ери-шли-ери по-ери-ви-ери дать-ери вас-ери,—кричала Лесли. Она привыкла употреблять тайный язык с Хромоногим.

— Да, я вижу, что вы пришли,—улыбнулся Хромоногий,—но я не умею говорить на вашем языке. Идите ко мне в дом, я скоро приду... Эй, эй, иду, сэр,—крикнул он Мак-Лину, который ждал его около боченков с маслом для лампы маяка.

Дети не ждали, чтобы их еще раз пригласили войти, потому что для них комната Хромонового была настоящим музеем редкостей. Рональд даже удивлялся, как это можно оставлять так, не запертыми, такие драгоценные вещи,—ведь их может стащить всякий прохожий. Правда, на острове не было прохожих, за исключением крылатых, плавающих или бегающих на четырех ногах, но ведь в любую минуту,—почему нет?—может причалить к берегу лодка, и пират, с красным поясом и ножом в зубах, выскочит на берег и завладеет сокровищами,

—Хромоногого-ери
Поцелую раза три,—

пропела Лесли, усаживаясь в углу около маленького столика.

—Хромоногий—матрос морской,
Так же верно, как я—портной.—

запел Рональд, карабкаясь на стул, с которого ему было удобнее смотреть на замечательный маленький корабль, стоящий на полочке над камином.

— Но ты же вовсе не портной, и ты выдумал преглупые стихи!

— Но ведь и Хромоногий теперь не матрос, а я ведь, может быть, и буду портным когда-нибудь... Лесли, правда, ведь этот корабль—самая прекрасная вещь, какую ты когда-либо видела с тех пор, как ты живешь в этой стране?

Действительно это была прекрасная вещь,—гордость Хромоногого. Он купил ее давным давно в Мексике из обстановки испанского корабля, потерпевшего крушение и приведенного в порт. Видно было, что Панчо Лопец очень ценил эту вещь, потому что она стояла под стеклянным колпаком на подставке из черного дерева, обитой по краям красным бархатом. Корабль был вырезан из слоновой кости; каждая мачта, каждая перекаладина, каждый парус были на месте, как на настоящем корабле, и крошечный рулевой стоял у руля, и испанский морской офицер мужественно влезал на бизань-реи. Корабль плыл по нарисованному морю, блестящему от крошечных кристаллов песка, как блестела голубая вода

вокруг их острова. Это, без сомнения, была одна из самых прекрасных вещей, какую кто-либо когда-либо видел, в какой бы стране он ни жил.

Рональд был очень смел и любил всякие приключения. Отцу, матери и сестре приходилось постоянно следить за ним, чтобы он не попал в беду, но здесь он умел быть внимательным и осторожным. Панчо Лопец знал, что он может быть спокойным за свои сокровища, что мальчик будет любоваться „Ласточкой“ и никогда даже не подумает снять с нее стеклянный колпак.

Пока Рональд любовался кораблем, Лесли осторожно рассматривала картинки, сделанные из перьев. Тут были птицы, цветы, деревья, целые крошечные пейзажи, сделанные из крошечных перьев всевозможного цвета. Хромоногий говорил ей, что эти картинки были сделаны индейцами, и черноглазые индейские женщины „сквау“ с головами, закутанными шальями, продавали их в базарные дни на улицах мексиканского города.

Стояли в комнате и индейские кувшины для воды, раскрашенные яркими красками, висел индейский лук со стрелами, тыквы, переделанные в ковши и раскрашенные красным и черным. На стене висел рваный мексиканский флаг с вышитым на нем орлом, схватившим когтями гремучую змею. „Ура, Мексика!“ обычно кричал Хромоногий, размахивая этим флагом, когда он встречал детей. Дети тоже выучились кричать ему: „Ура, Мексика!“—когда они переступали через его порог.

Комната Панчо отделялась только перегородкой от склада, где хранилось масло для маяка. В ней был только неровный пол да выбеленные известкой стены, но Хромоногий держал ее в удивительной чистоте. Он готовил себе сам на своей маленькой печке замечательные красные бобы по-мексикански и варил для детей такой шоколад, что пена стояла над чашкой на целый вершок. Он один умел так варить шоколад.

Панчо Лопец жил одиноко, охраняя склады, и так же радовался приходу Рональда и Лесли, как они радовались ему.

Дети все еще любовались сокровищами, когда до них донесся стук копыт Дженни Линд, и повозка покатила назад с боченками масла для маяка. Сейчас же за дверью послышалось „Ура, Мексика“, и появился Панчо Лопец, держа в руках охапку дров.

— „Я минуту улучу,
Панчо я поколочу!“—

закричал Рональд и побежал ему навстречу.

— А я уж никогда не буду колотить его, я просто обниму его,—сказала Лесли и так и сделала, к большому удовольствию старого матроса.

— Теперь историю, Панчо, историю!—закричали дети оба сразу, а Рональд еще быстрее добавил:—про „Белый туфель“.

— „Белый туфель“? О, нет. Это слишком длинно. Отец сказал, что вы должны итти домой через час. У матери готов обед.

—Ах,—разочарованно сказали дети,—мы думали, что вы пригласите нас обедать.

— Я бы, конечно, и пригласил вас, но ничего не поделаешь. Отец велел, и баста.

— Ну, а тогда, что же вы расскажете?—спросил Рональд, влезая к Панчо на колени.—Я так мало слышал историй с тех пор, как я живу в этой стране.

Панчо посмотрел на него смеющимися глазами.

— С тех пор, как ты живешь в этой стране? Но, право же, ты не так давно живешь на свете. Ну, хорошо, я расскажу вам морскую историю, такую, что случилась при мне,—о кошке.

— О кошке!—воскликнула Лесли.—А я думала, что они не любят воды.

— Конечно,—сказал Хромоногий.—Если бы кошки любили воду, то и не было бы никакой истории.

— Рас-ери-ска-ери-жи-ери, рас-ери-ска-ери-жи-ери,—нетерпеливо твердил Рональд.

— Ну, это было лет двадцать тому назад,—начал Панчо.—Я плыл тогда на грузовом пароходе к Шотландии. Это—родина вашего отца и матери. Вы, наверное, знаете это.

— Веселая Шотландия,—мы знаем,—сказала Лесли, подвигаясь ближе.

— Мы благополучно добрались до Шотландии, ничего особенного с нами не случилось, сложили груз у пристани Ньюхавен и взяли там новый груз. Все это вам не интересно. Когда все было готово, капитан отпустил нас погулять на берег. Несколько человек осталось на пароходе держать вахту, а десять человек с'ехало на берег. Среди них был юнга—глупый малый. Я думаю, что у

него было несовсем ладно в голове. (Панчо постучал себя пальцем по лбу). Он сказал, что возьмет с собой пароходную кошку, чтобы и она погуляла на берегу.

Мы все смеялись над ним. Я говорю же вам, что это был преглупый малый.

Мы пошли в город и оставили его на берегу с кошкой. Некоторые из нас хорошо пообедали, другие напились. Я отыскал одного матроса, который, как я, побывал везде на свете, и мы вместе выпили. Это ведь обычная вещь для матросов, знаете ли.

— Мы знаем,—кивнули головой дети, потому что старые матросы не раз заезжали на остров.

— Нам было приказано вернуться к двенадцати часам ночи,—продолжал Панчо Лопец,—и мы знали, что должны вернуться во что бы то ни стало. Около одиннадцати часов мы все отправились к берегу. Было совершенно темно, дул сильный ветер и надвигалась буря.

Добрались мы до берега. Одни курили, другие свистели, третьи шли, совсем шатаясь, а Джонни,—так звали юнгу,—кричал нам из лодки: „Влезайте же, парни, большая буря надвигается, кошка стала мокрая“.

Мы все смеялись и шутили над ним, но мы ничего не видели, пока не добрались до лодки. А там сидел Джонни с кошкой. Это была белая кошка. И это хорошо, что она была белая.

— Почему хорошо, что она была белая?—удивленно спросил Ронни.

— Подожди, сынок, узнаешь,—спокойно ответил Панчо.—Мы все влезли в лодку, оттолкнулись и начали грести изо всех сил. Но чем дальше отъезжали от берега, тем чернее становилась темнота и сильнее налетали на нас волны. Они грохотали, бросали нас вверх и вниз, подкидывали, как мяч, в воздух. Каждый делал то, что считал лучшим. Я не видел ни огней парохода, ни лиц моих товарищей, не знал даже, куда мы плывем. Вдруг налетела волна величинной с гору, опрокинула лодку вверх дном, и мы все очутились в воде. Что делать, куда плыть, где искать спасения? Нигде ни огонька, только волны нас обливают.

— Ах, бедный Панчо,—вздыхнула Лесли, поглаживая его рукав.—Как это было ужасно.

— Каждый изо всех сил старался плыть, но куда плыть, когда ничего не видно? Мы уже были полумертвы, когда услышали крик Джонни:— „Смотрите на кошку! Смотрите на кошку! Видите, куда она плывет!“ —И мы увидели на воде маленькое белое пятно и поплыли за ним. Кошка видит в темноте, вы знаете, дети, и она не любила воды и старалась выбраться из нее, как можно скорее.

Через минуту мы увидели огни нашего судна, а потом увидели и судно. Мы кричали и кричали, пока люди не помогли нам взобраться на борт парохода. Мы были мокры, как губка, застыли, как лед, и были напуганы до смерти.

— А все спаслись?—спросила Лесли дрожащим голосом, прижимаясь к Панчо.

— Увы, нет, дочка,—двоих мы никогда больше не видели.

Лесли вздохнула и долго молчала, а потом опять спросила;

— А кошка?

— Кошка? Джонни схватил ее, когда доплыл до парохода, и поднялся вместе с ней по лестнице. Ее уважали потом во всю дорогу до Калифорнии почти так же, как капитана. У нее была самая лучшая пища, самое теплое место для спанья. Все снимали перед ней шапку, когда встречали ее, и говорили: „Добрый день, госпожа кошка“.

— Добрый день, госпожа кошка!—расхохоталась Лесли, кланяясь воображаемой кошке.—Желаю вам доброго утра! Что вам приготовить на обед?

— Обед! Обед!—воскликнул Панчо Лопец, вскакивая со своего стула.—Что скажет ваш отец, дети? Бегите скорее, бегите, как кролики, самым коротким путем! Бегите скорей!

III.

Свет и маяк.

Чтобы дойти от жилища Панчо до маяка, можно было идти или длинной окружной дорогой, по которой Дженни Линд таскала свою повозку, или же карабкаться вверх по скалистой тропинке, прерывающейся то здесь, то там известковыми ступенями, такими громадными, что детям трудно

643435

Российская государственная
детская библиотека

6482

88083

Нора Смит

девочка, задыхаясь, стала карабкаться на башню маяка, где Малькольм заправлял лампу маяка.

Когда Лесли добралась до отца, она так запыхалась, что не могла говорить. Отец понял, что внизу что-то случилось. Он наполовину бежал, наполовину скатился с лестницы в кухню. Он взял ребенка на руки и сказал громко, спокойно своим сильным матросским голосом, так, что Ронни услышал его под горшком:

— Успокойся, Ронни,—сказал он.—Сразу же перестань плакать. Папа здесь, папа поможет тебе.

Вопли прекратились. Ронни стал меньше размахивать руками, а Малькольм ходил с ним на руках взад и вперед, поглаживая маленькие плечи сынишки, пока он не успокоился настолько, что его можно было положить на руки матери. Потом отец взял с полки кусок сала и смазал внутри горшок и голову Ронни так далеко, как только мог достать рукой, все время приговаривая: „Спокойно, сынок, спокойно, сынок. Папа здесь“. Лесли не сводила с отца глаз. Сделав это, отец легко снял горшок, и мальчуган выглянул на свет.

„Какой у нас замечательный отец,—думала Лесли:—нет ничего на свете, чего бы он не смог сделать и чего бы он не знал“. Вероятно, все на острове, включая и ослицу Дженни Линд, кроликов и морских птиц, думали то же самое.

Этот замечательный отец сегодня поджидал их у входа в маяк, пока не услышал, наконец, со скалистой тропинки топот детских ног. Когда ребята вымыли грязные руки и пригладили спутанные волосы, все сели за стол.

Шесть раз в году к острову подходил пароход и привозил провизию для его обитателей. Он привозил чай, сахар, кофе, муку—пшеничную и кукурузную,—и все, все, что им было нужно. Кроме того, у них было козье молоко, яйца, свежая рыба и различные овощи, какие только они могли вырастить на маленькой площадке за маяком и какие не боялись ветра, который дул постоянно.

Маргарэт Мак-Лин хвасталась, когда она могла найти слушателя, что она умеет готовить картофель пятнадцатью различными способами. Но которым из пятнадцати способов он был приготовлен сегодня,—никто не знал. Во всяком случае картофель было очень вкусен, и дети вскочили из-за стола, когда обед был кончен, такие сытые, довольные и веселые, что с радостью принялись мыть посуду и приводить в порядок комнату, где они обедали.

Трудно было дать название этой, к счастью, очень большой комнате, потому что она служила для всего:—это была кухня, столовая, гостиная и кабинет, в зависимости от времени дня. По другую сторону коридора была большая гостиная. В этой гостиной останавливался маячный инспектор, когда он два раза в год приезжал осматривать маяк. Дети никогда не входили в гостиную, кроме тех дней, когда они должны были стирать в ней пыль с дивана, обитого шерстяной материей, со стульев с прямыми спинками и с круглого стола посредине комнаты, на котором стояла высокая лампа с висящими на ней блестящими стеклянными призмами.

В следующем этаже были спальни и комната для игр. Выше шла лестница с узкими ступеньками, которая вела к башне, а еще выше поднималась кругом и кругом витая лестница к лампе маяка.

Там высоко сверкала своими стеклами лампа, и ей служил отец детей. Каждый день он наполнял лампу маслом, поправлял в ней фитили и чистил, чистил и самую лампу и все ее стекла до тех пор, пока не оставалось ни малейшего пятнышка на стеклах. Стекла охраняли лампу, и через них она бросала ночью свои лучи далеко, далеко на воды океана.

Каждый вечер, когда они пели „Песню моряка“ в чисто выбеленной комнате, а океан ревел, набегая на скалы, дети думали о лампе в башне маяка и о радости моряков, когда они видели ее свет.

„Пенясь, бушуют валы в океане,
Вкруг корабля все грознее они.
Радостно видит моряк, что в тумане
Там, вдалеке, загорелись огни.

Пусть море бушует и волны пусть хлещут,
Моряк, ободренный, бесстрашно плывет:
Свет маяка вдалеке ему блещет,
Свет маяка от крушенья спасет.“

Дети часто взбирались с родителями по витой лестнице, чтобы посмотреть лампу маяка, и даже открывали дверку и ходили по балкончику, который шел кругом башни. Они крепко держались за руки отца или матери, пока смотрели на голубые воды Тихого океана с такой вышины и считали паруса на горизонте.

Лампа их маяка была не первоклассная, хотя детям она и казалась замечательной. Она требовала больше внимания, чем новые, более дорогие лампы. Ее зажигали в сумерки, наполняли снова маслом в полночь и гасили с рассветом. Гасила лампу всегда Маргарэт Мак-Лин. Потом она спешила в кухню, чтобы развести огонь, ставила вариться утренний завтрак и шла доить коз.

У нее было очень много работы, так много, что ей было совершенно некогда чувствовать себя одинокой. Она не только стирала и гладила, шила и вязала чулки, чистила и готовила, доила коз, ухаживала за курами, работала на огороде, но еще и занималась каждый день с детьми.

Эти уроки были очень приятны для обоих ребят. Они оба умели хорошо читать, писать и считать. Так что Лесли уже написала очень большое письмо бабушке в Шотландию.

Малькольм и Маргарэт Мак-Лин хорошо понимали, что у их детей никогда не будет товарищей для игр, потому что на острове работы было как раз столько, что с ней мог справиться один человек с помощью Хромононого, и нечего было надеяться, что какая-нибудь семья поселится здесь. Поэтому они делали все, что могли, чтобы доставить детям занятия и развлечения.

И это было совсем не трудно с такими товарищами, как Дженни Линд, Ворон Джим и масса всяких молодых животных, с Хромоногим, который рассказывал всякие истории, с собиранием всяких морских водорослей, ракушек и камешков, которые заменяли детям игрушки и никогда

не надоедали. А как чудесно можно было играть на берегу моря или среди скал!

В маяке же еще в прошлом году была устроена комната для игр. Маргарэт Мак-Лин не могла нарадоваться, что они придумали устроить детям эту комнату. Теперь она могла быть всегда уверена, что в дурную погоду ребятишки ее были в безопасности и счастливы, если они были в „Стране Хумпти-Думпти“, как называла эту комнату Лесли.

Страна Хумпти-Думпти была просто большой чердак, который тянулся над всеми их жилыми комнатами. Он не был отделан, как комнаты, но Малькольм выкрасил пол и стены в веселый зеленый цвет, а на бесчисленных полках, прикрепленных к стенам, были разложены всевозможные редкости и драгоценности, найденные детьми: яйца птиц, морские раковины, различные красивые мхи, блестящие камешки, яркие шарики, пуговицы и другие сокровища.

В одном углу лежала куча песку с маленькими формочками и совочками, чтобы можно было делать пирожки. В другом углу, где Лесли проводила много часов, она устроила кукольный дом. Лошадь-качалка, конюшня для нее и скамья, приспособленная так, чтобы на ней можно было столярничать, стояли в углу Рональда. В комнате стоял низенький стол и два детских стула.

К потолку были прибиты несколько ярких бумажных японских зонтиков и фонарей, а на полу были разостланы соломенные циновки (рогожки), привезенные Панчо из Мексики от индейцев.

На окнах висели турецкие красные шторы. Все это делало чердак самым веселым местом на маяке, особенно когда дети болтали оба сразу, а Ворон Джим вставлял то и дело свое низкое карканье в их разговор.

IV.

Ворон Джим.

Ворон Джим, черный, блестящий, плутоватый, мудрый и важный,—родился не на острове. Остров этот был слишком непривлекательным местом для птиц, любящих хорошую пищу. Инспектор маяков, в один из своих приездов на остров, привез его Лесли. Инспектор сказал, что ворона нашли в лесу, когда он был еще маленьким пушистым комочком с короткими перьями, которые торчали тут и там. Вероятно, он выпал из гнезда, и родители потеряли его.

Инспектор заботился о Джиме, пока он не стал красивой большой птицей с блестящими перьями. У Джима был хороший характер и пресмешные ухватки. Детям никогда не надоедало смотреть на его удивительные проделки и смеяться над его важными манерами.

Как только Ворон Джим привык к своему новому дому, он начал выбирать себе друзей. Казалось, что он больше всего полюбил Лесли. После Лесли он больше всего любил большую белую курицу с девятью маленькими цыплятами.

Курица жила в курятнике, защищенном от ветра высокой скалой. Джим подходил к курятнику много раз в день, вставал около решетки и разговаривал с курицей низким, хриплым голосом. Иногда, посреди разговора, он подбирался к корму, приготовленному для наседки и цыплят, а потом опять начинал, каркая, разговаривать с ней. Бидди—курица—изредка отвечала ему кудахтаньем, как-будто бы понимала все, что он говорит ей.

Старая наседка всегда страшно беспокоилась о своих малышах, но она никогда не боялась, что Джим причинит цыплятам вред.

Когда цыплята выросли настолько, что их можно было выпустить из курятника, они стали бродить с матерью кругом маяка в поисках за пищей. Тогда Джим часами следовал за ними. Вечером Джим всегда возвращался в свой ящик, а Бидди и ее семья ночевали в курятнике с другими птицами.

Третья любимица Джима была ослица Дженни Линд. Каждый день, пока Дженни Линд паслась, он бродил вокруг нее. Когда же он устал ходить, он взлетал ей на спину и усаживался на такое место, где она не могла достать его, махая хвостом. При этом Джим все время болтал тихим голосом, то тише, то громче, совсем, как человек, который хочет сказать какой-то секрет, который ни в каком случае никто другой не должен слышать.

Но Джим любил не всех. Он был совсем плохого мнения о Маргарэт Мак-Лин, потому что она часто ловила его на том, что он таскал ку-

сочки с кухонного стола или с полки. Тогда Маргарэт выгоняла его щеткой вон. Он всегда входил в кухню, вызываясь глядя на Маргарэт, забирался куда-нибудь повыше и бранился и ворчал про себя. Вы всегда по тону его голоса могли бы понять, бранится ли ворон или просто болтает. Маргарэт Мак-Лин говорила, что она действительно иногда чувствует себя неловко, когда за ее спиной все время раздается тихий голос, который, вероятно, говорит: „Подумай! Подумай только! Маргарэт выгоняет меня вон! Не дала мне ничего на обед! Подумай только!“

В Стране Хумпти-Думпти Джима больше всего интересовали коллекции детей, особенно бусы и пуговицы. Когда бы он ни явился наверх, он прежде всего взлетал на плечо Лесли и ласкал ее своим клювом, а потом перелетал на зеленые полки, переворачивал одну за другой все бусины, пуговицы и камешки, все время при этом говоря что-то. Лесли думала, что он говорит: „О, хорошенькие! Хорошенькие! Хорошенькие, блестящие вещи! Джим любит блестящие вещи! Бедный Джим. У него одни только черные перья!“ Во всяком случае по глазам Джима видно было, как ему нравятся эти драгоценности и как ему хочется их утащить.

Вот почему однажды, когда дети играли в Стране Хумпти-Думпти, Рональд сказал:

— Я подозреваю, что Джим знает что-то о твоих пропавших бусах, Лесли.

Бабушка прислала Лесли из Шотландии к Новому году цепочку из крошечных золотых

бусин. Бусы пропали сейчас же после праздника, и с тех пор их нигде не могли найти. Лесли плакала горькими слезами; к тому же еще мать сделала ей выговор за ее небрежность. Напрасно говорила она матери, что она ни разу не выходила с бусами из дома, а на ночь всегда клала их в ящичек.

При этих словах Рональда Лесли внимательно посмотрела на своего любимца. Ворон прилежно работал, стараясь раздолбить клювом пуговицу, и в то же время тихо каркал.

— Нет, Ронни,—воскликнула Лесли,—Джим никогда ничего у меня не воровал: он слишком любит меня. Правда, ведь, Джимми?

— Кар!—ответил ворон и с самым важным видом вылетел в окно. Он не сказал, что у него в клюве была маленькая красная пуговица. И стоит ли друзьям считаться какими-то пуговицами!

— Я побегу к папе, и посмотрим, что он об этом думает,—крикнул Рональд, выбегая с чердака.

— Нет, нет, Ронни! не говори папе! Я уверена, что Джим не брал моих бус,—кричала ему вслед Лесли.

Но Рональд был уже далеко и не слышал ее слов. Он нашел отца у стойла Дженни Линд.

— Почему такая спешка, сынок?—спросил Малькольм.—Ты, ведь, знаешь: „поспешишь — людей насмешишь!“

— Папа, мне пришла в голову мысль.... Как ты думаешь, мог ли Джим утащить бусы Лесли?

— Джим?—переспросил удивленно отец.—О, А ты думаешь, их утащил Джим? Ну, я не знаю! Почему ты так подумал?

— Это слишком гадко!—кричала Лесли, подбегая к отцу.—У Ронни нет ни малейшей причины говорить, что Джим взял бусы!

— Ну,—сказал мальчик, немного смущенный возмущением сестры,—я только подумал... Ты же сама знаешь, как он любит все блестящие вещи. И мама ловила его, когда он таскал из кухни.

— Стоит ли спорить из-за таких пустяков, дочка,—успокаивающе сказал Малькольм.—Я вспомнил, как там, в Шотландии, один старый ворон утащил очки у моего дедушки. Но, может быть, тот ворон был недостаточно хорошо воспитан... Вот что я вам скажу, ребятки,—сказал он, хлопнув рукой по колену:—У Джима есть тайное место, вон там, наверху, на карнизе. Я часто видел его там. Я сейчас принесу длинную лестницу и посмотрю, что он там складывает.

— Позволь мне, папочка,—воскликнул Рональд.—Я влезу наверх по водосточной трубе.

— Ты этого не сделаешь,—решительно ответил отец:—это скверно и для трубы и для твоих штанишек. Ты слишком не осторожен в своем лазаньи,

У Лесли от возбуждения сразу высохли слезы. В это время к ним подошла Маргарэт Мак-Лин, чтобы узнать, в чем дело.

Принесли высокую лестницу и поставили ее около дома. Отец медленно взбирался вверх до того места, где он часто видел ворона.

— Ну, вот так разбойник!—воскликнул он и разразился веселым смехом.

— Что там, папа? Что?—кричали дети, прыгая от нетерпения.

— Пускай они влезут наверх, мать,—сказал Малькольм.—Я подержу их, и они сами посмотрят.

Дети в одну секунду были наверху и заглянули в закрытое местечко на карнизе, как-раз за водосточной трубой.

Это была настоящая разбойничья пещера. Там было много блестящих перьев, несколько металлических пластинок, разные бусины и пуговицы, один из наперстков миссис Мак-Лин, несколько кусочков разноцветного стекла и фарфора и... да! да! там действительно лежали бусы Лесли.

— Ой, папа! Ой, папа!—воскликнула Лесли, наполовину смеясь, наполовину плача.—Не бери всего у бедного Джима; оставим ему хоть что-нибудь.

— Чепуха! ты глупый ребенок!—воскликнула мать, придерживая снизу лестницу.

А отец пошутил:

— Я надеюсь, что ты не думаешь, что необходимо ему оставить наперсток и бусы, не правда ли?

— Нет, ах, нет,—сказала Лесли.—Я знаю, что это было бы глупо. Но он будет так огорчен, когда придет посмотреть на свою коллекцию и увидит, что все унесено.

— Я тоже боюсь, что он будет огорчен, бедный, старый Джим, — согласился Рональд.

— Спускайтесь же все вниз! — нетерпеливо позвала мать. — Я уж устала держать лестницу. Если вы не хотите огорчать Джима, сделайте ему другие бусы, но, во всяком случае, принесите вниз мой наперсток.

Предложение матери было встречено с восторгом. Все спустились на землю, но лестницу оставили на месте. Дети разыскали крепкие нитки и толстые иголки, потом Лесли и Рональд пересмотрели свои запасы, и через час было готово ожерелье, которое так блестело, что его могла бы носить индейская принцесса.

Малькольм Мак-Лин, подсмеиваясь над своими удивительными ребятами, влез на лестницу и положил ожерелье в потайное место Джима. И когда Джим в следующий раз пришел посмотреть на свои сокровища, он наверное сказал: „Вот это действительно ожерелье! я это называю ожерельем!“

V.

Прогулка

Вскоре после этого приключения с крылатым разбойником пришло время ежегодного отпуска Панчо Лопеца. Он отправился на маячном пароходике на неделю в город Сан-Франциско. На его место взяли на это время глупого парня,

у которого, хотя и было две ноги, но который совершенно не умел рассказывать. Детям эту неделю ужасно доставало их старого друга. Они пришли в дикий восторг, когда Панчо, на другой день после своего возвращения, попросил их отца отпустить детей вниз на берег для веселой прогулки.

Это была суббота. Конечно, в этот день не было уроков; конечно, были сделаны свежие орешки из теста, свежий хлеб и сыр из козьего молока. Все это дала им мать на завтрак во время прогулки. Потом была еще надежда, что Панчо сварит похлебку на костре, на прибрежных скалах. Ну, разве это не самое лучшее, что может быть на свете?

Приготовления были, наконец, закончены, и дети отправились. Ронни нес корзинку и прыгал, как кролик, вниз по скалистой тропинке.

— Если бы не было Лесли, я бы никогда не спустила Ронни так надолго с своих глаз,—вдохнула Маргарэт Мак-Лин, смотря вслед детям с порога дома.

— Но ты же знаешь, что там будет Панчо,—сказал ее муж,—а Рональд, ведь, карабкается, как кошка.

— Это-то правда,—согласилась Маргарэт.— Я никогда не видала кошки, которая не могла бы влезть на дерево, но видела не мало таких котят, которые не знают, как слезть с дерева.

Малькольм засмеялся своим добродушным смехом.

— Как хорошо для тебя, что дети живут на острове,—сказал он.—Если бы мы жили на материке, ты бы беспокоилась о них день и ночь.

По дороге Лесли придумала стихотворение в честь возвращения Панчо:

„Хромоногий вернулся из дальних краев,
В маяке уголок ему теплый готов.
Ему плыть никуда уж не надо,—
Рад отец, рады дети и все ему рады!“

Она придумала четыре строчки, а другие четыре должен был сочинить Рональд. В них он хотел просить Панчо рассказать о том, что случилось с ним во время его путешествия. Но следующие четыре строчки так никогда и не были придуманы, потому что как-раз, когда была придумана последняя строчка Лесли, дети увидели Панчо около костра, а над костром висел котелок. А когда они подошли ближе, до них донесся такой вкусный запах того, что варилось в котелке, что Ронни воскликнул:

— Это самый вкусный запах, который я слышал с тех пор, как живу в этой стране.

— У тебя хороший вкус,—засмеялся старый матрос.—Ну, как вы жили, ребята, целую неделю без Панчо?

„Хромоногого-ери
Поцелую раза три!“

воскликнула Лесли, крепко обнимая его,

— Ох-ери, как-ери мы-ери ску-ери-ча-ери-ли-ери без-ери те-ери-бя-ери!—закричал Рональд в припадке красноречия.

— Ну, сказал Панчо,—придется мне как-нибудь попросить у зрителя свободного времени, чтобы выучить ваш язык. Я думаю, что его ужасно трудно выучить. Может быть, лучше вам выучить испанский, тогда у нас у всех троих будет секретный язык. Бери же ложку и тарелку, сынок,—мы будем обедать.

По часам это вовсе было не обеденное время, но по желудку было обеденное. Когда дети кончили еду, у них были круглые, набитые животики. Сегодня Панчо обещал детям прогулку к пещере, где их отец спас однажды девять потерпевших крушение людей. Но после такого пиршества хотелось сначала полежать на плоской скале. Тогда Панчо рассказал детям свою историю.

Может быть, лучше передать эту историю так, как ее рассказал бы Панчо Лопец, если бы он употреблял свой родной язык, потому что его английский язык был очень неправильный, хотя он был совершенно понятен Лесли и Рональду.

— Это было года два тому назад, ребятенки,—начал Панчо, глядя куда-то далеко, далеко на море.—Я ездил тогда к двоюродному брату в Санта-Барбара, и там брат рассказал мне удивительную историю.

Вдоль берега Санта-Барбара в Тихом океане есть восемь островов. Они лежат довольно далеко друг от друга и защищают километров на 70 берег Санта Барбара от страшных бурь океана и от огромных волн прибоя. На ближайших к берегу островах пасли овец, а на дальние острова тогда почти никто из прибрежных жителей и не

заглядывал. Знали только они, что на самый дальний остров Сен-Никола приплывает очень много тюленей.

Раз на этот остров попал случайно рыбак; его лодку занесло туда бурей. Он вернулся домой и рассказал, что на острове живет небольшое племя индейцев, что они вымирают от какой-то повальной болезни, и, чтобы спасти их, надо их вывезти с острова. Это рассказал ему один старик с острова, который говорил по-испански.

На берегу Санта-Барбара жили монахи, которые приехали в эту страну, чтобы крестить индейцев. За это монахи получали деньги и награды от своего начальства. Когда монахи слышали про индейцев на острове Сен-Никола, они решили их спасти. Долго они не могли найти ни одного судна, которое было бы достаточно велико, чтобы забрать всех индейцев с острова.

Наконец, пришло в порт Сен-Диего большое охотничье судно. Капитан судна договорился с монахами, что он с'ездит на остров Сен-Никола и вывезет оттуда всех индейцев.

Когда судно подходило к острову Сен-Никола, поднялся сильный ветер, по морю стали ходить такие волны, что высадиться на остров команде судна было страшно трудно и, высадившись, нельзя было терять времени на берегу.

Индейцы не знали, что за ними приедут белые люди. Они не были готовы к от'езду. Поднялась страшная суeta и суматоха. Перевозить островитян на судно было страшно трудно и опасно.

Наконец, все были на судне, и оно отошло от берега. Тогда одна молодая индейка хватилась своего ребенка. Оказалось, что, в суете, его оставили на берегу. Как это случилось, никто не мог объяснить. Мать была в ужасном горе. Она не могла просить словами капитана вернуться за ребенком, так как она не знала испанского языка, но она была в таком отчаянии и так ясно показывала, о чем она просит, что капитан понял ее. Но буря была так сильна, что он не мог подойти снова к берегу. Когда женщина поняла, что никто не поможет ей, она бросилась в воду и поплыла к острову. Остановиться, чтобы спасти ее, не было никакой возможности, и судно пошло к берегу Санта-Барбара и благополучно вошло в гавань.

Капитан хотел еще раз с'ездить на остров за матерью и ребенком, но хозяин судна сначала отправил его в Сен-Франциско. По дороге туда судно погибло во время страшной бури.

Так прошло целых три года. За это время никто не был на острове Сен-Никола. В этот год один человек отправился туда для охоты на тюленей. Он взял с собой много индейцев проводников и охотников.

Однажды вечером, перед тем, как покинуть остров Сен-Никола, хозяин экспедиции прогуливался по берегу и, вдруг, увидал на песке отпечаток двух пар ног—одних побольше, других маленьких—детских.

— Ах, совсем как Робинзон Крузо,—прервала Лесли.

— Да,—кивнул головой Ронни,—когда он нашел Пятницу.

— Хозяин экспедиции заметил, что след ноги был узкий,—продолжал Панчо,—и понял, что это был след женщины. Он позвал охотников, и они пошли искать. В этот день они не нашли ничего,—нашли только привязанную к дереву корзинку из камыша, а в ней лежали костяные иглы с нитками из звериных жил и почти оконченное платье из птичьих шкурок, изящно сделанное из маленьких ровных квадратных кусочков, сшитых вместе.

На другой день они нашли загородку из ветвей без крыши и около нее шест с сушившимся мясом. Но человека не видно было нигде.

Но ведь кто-то да сплел эту корзинку, сделал костяные иглы, сшил платье из птичьих шкурок, сушил мясо? Надо найти их во что бы то ни стало!

Два дня спустя, на мху, покрывавшем один из утесов, индейцы снова нашли свежие следы. По этим следам они пошли вверх по скале и там, наконец, нашли женщину. Она пряталась от них в низком кустарнике на вершине утеса. К ней прижималась маленькая девочка лет пяти.

Хозяин экспедиции ласково заговорил с женщиной по-испански. Она не понимала его, но, очевидно, почувствовала, что ее не обижают. Через минуту она робко подошла к нему, быстро-быстро говоря что-то на неизвестном языке. Никто из приехавших не мог понять ее, несмотря на то, что среди них были индейцы двенадцати различных племен.

Женщина была высокая, красивая, с длинными косами блестящих черных волос, в странном платье из птичьих шкурок. Такое же платье было на ее маленькой дочке.

— Наверное это и была та самая женщина, которая прыгнула тогда с судна, чтобы вернуться за своим ребенком,—поспешно перебила Лесли.

— Наверно,—ответил Панчо.—Она, казалось, совсем успокоилась и спокойно пошла за неизвестными людьми. Она была очень бледна и слаба. Они поняли, что она больна, и помогли ей взойти на судно. Девочка шла, все время держась за мать. Видно было, что охотники подоспели вовремя, чтобы не дать погибнуть матери от болезни, а тогда погиб бы и ребенок.

На берегу Санта-Барбара, хотя там и было много индейцев, и сами испанцы там говорили на многих индейских наречиях, все же никто не мог понять ее. Понемногу она поправилась и научилась понимать и кое-что говорить по-испански. Испанцы называли ее Джуанна Мария. Но она навсегда осталась слабой, хотя и старалась работать все, что могла. Она не могла привыкнуть к новой жизни среди белых людей.

Через год она умерла. Девочку ее взяла к себе одна испанская семья. Они ее очень полюбили.

— Бедная женщина. Так и не пришлось ей пожить со своей дочкой,—грустно сказала Лесли.

— Ну, что-ж,—сказал Ронни,—зато она все-таки спасла ее. Два раза спасла,—когда вернулась на остров, прыгнув с судна, и когда пошла с охотниками на их судно.

— Ну, мы так с вами заболтались, что я даже забыл о своей работе,—воскликнул старый матрос, поднимаясь со скалы.—Вы подождите меня здесь, ребятки. Я вернусь через полчаса, и мы пойдем туда, где ваш отец спас меня после кораблекрушения и где я потерял ногу. Правда, это случилось наполовину к несчастью, наполовину к счастью.—И он грустно посмотрел на свой костыль.—Без этого я не был бы помощником смотрителя на маяке и не знал бы вас. Так-то!

VI.

Как карабкалась кошка.

Когда Панчо Лопец ушел, Рональд принялся искать на скалах гнезда морских птиц. Ему ужасно хотелось знать гнезда всех птиц, какие только есть на земле, и какие у них бывают яйца. Лесли же бродила вдоль берега, собирала блестящие ракушки и выдумывала сама себе самые удивительные истории. Она так была увлечена этим делом, что не замечала ничего вокруг.

— Эй, Лесли! Где же Ронни?—закричал хриплый голос Панчо, обрывая выдуманную ею историю на самом интересном месте.

— Ронни? Да, он же здесь.

— Где же здесь? Я что-то не вижу,—возразил Хромоногий, ковыляя вниз по камням.

— Он был здесь минуту тому назад... Ох!—сразу испугалась Лесли.—Да где же он может быть?

— Ты не следила за ним?—спросил Панчо, удивленно поднимая брови.—Я думал, что ты всегда следишь за Ронни.

— Я слежу, — ответила печально Лесли. — Я всегда присматриваю за ним, но я забыла об этом только на одну минутку. Где же он? И что скажет мама?—чуть не плакала Лесли.

— Я очень хорошо знаю, что она скажет, — сухо заметил Панчо Лопец, — но что нам делать до того, как она скажет?

— Он, наверное, карабкается где-нибудь на скалы. Он как-раз сегодня утром сказал, что он ни разу еще не находил яиц пингвинов с тех пор, как он живет в этой стране.

Хромоногий был очень встревожен, но он не мог не улыбнуться, услышав любимую фразу Рональда.

— Г-м... — пробормотал он. — Ну, если ему захотелось разыскать яйца пингвина, то ему придется карабкаться куда угодно, но он здесь вряд ли их найдет. Алло, алло, Рональд!—закричал он.—Где ты? Алло! Алло!

— Алло! Алло, Ронни!—кричала своим звонким голосом Лесли.

Никакого ответа. Они внимательно осматривали все кругом и, вдруг, заметили необыкновенно беспокойное летание и крики морских птиц вокруг „Скалы Ворот“. Это им показало, что там что-то случилось. И старый матрос и девочка направились прямо туда.

„Скала Ворот“ была средней из трех скал, выступающих в море. Третья скала была со всех сторон окружена водой, а вторая только одной стороной касалась земли. Около вершины этой зубчатой, сверкающей на солнце, скалы было узкое, как дверь, отверстие. Через это отверстие можно было видеть бесконечные голубые воды Тихого океана, как картину в раме из черного дерева. На этих скалах любили отдыхать чайки, бакланы и другие птицы. Рональд влезал туда и раньше, только под присмотром и с помощью отца. Теперь же он вскарабкался на вершину скалы один. Лесли ясно увидела его маленькую фигурку в „Воротах“, когда они подошли ближе. Ронни махал носовым платком.

Когда они с трудом добрались до подножья скалы, они поняли, что Рональд зовет их и что с ним случилось что-то скверное. Рев прибоя, разбивающегося об утесы, был так силен, что они не слышали ни слова. Но они поняли, что он забрался на скалу и теперь не знает, как с нее слезть.

— Я могу помочь ему спуститься, если только я смогу забраться туда,—воскликнула Лесли и начала карабкаться на скалу, но Панчо Лопец удержал ее.

— Нет,—воскликнул он,—достаточно одного. Я спущу его вниз.

— Но как же вы можете, Панчо,—нерешительно начала Лесли:—с вашей деревянной ногой?

Goodridge

— Правда, с одной деревянной ногой,—весело ответил Панчо,—но и с двумя здоровыми руками. Недаром же я был матросом. Подожди, ты увидишь,—и, махнув Ронни рукой, он направился к складу.

Лесли в ужасе ожидала каждую секунду, что Рональд свалится вниз. Она то смотрела на его маленькую фигурку, то каждую секунду оборачивалась посмотреть, не видно ли Панчо. Она все время думала: „Я не смотрела за ним. Я совсем забыла о нем. Мама уже никогда не назовет меня верной маленькой помощницей!“ Ей казалось, что целые часы прошли, пока она увидела Хромононого с большим свертком под мышкой.

— Все ладно, Ронни!—закричал Панчо, когда подошел ближе,—я скоро тебе помогу.

Он размотал перед удивленной Лесли моток веревок и вынул оттуда свой индейский лук и стрелы.

Он поднял лук и веревку и показал их мальчику. Ронни очень хорошо все видел, хотя и не мог слышать, что они говорят, из-за шума моря. Рональд помахал рукой, чтобы показать, что он понял, что будет дальше. Лесли же ничего не поняла и глядела на Панчо с побледневшим лицом.

— Смотри, девочка,—объяснил ей Хромоногий:—Я привяжу тонкую бичевку к стреле, к концу бичевки привяжу толстую веревку с петлей, а потом выстрелю туда, к Ронни. Он схватит стрелу, потянет к себе тонкую бичевку, а за ней потянется веревка. Потом он наденет петлю ве-

ревки на выступ большой скалы. Это будет очень просто. Тогда я вскарабкаюсь по веревке, вот так,—он показал руками, как он это сделает,—и очень скоро буду там.

— Но как же вы спустите Ронни вниз? Он же не может сползти вниз по веревке.

— Ну, это-то не трудно. Он знает. Я делал это однажды здесь, на острове. Помнишь? Я спустил на веревке вашего отца, чтобы вытащить ягненка, который упал с утеса и блеял на одном из выступов скалы. Помнишь?

— Да,—нетерпеливо сказала Лесли.—Панчо придет! Хромоногий придет! — закричала она, поворачиваясь к мальчику.

Наконец, Панчо выбрал самую подходящую стрелу, прикрепил к ней веревку, натянул лук и з-з-з—стрела полетела. Ронни ловко схватил бичевку и начал тянуть ее. Он подтянул вверх веревку, изо всех сил работая своими руками, пока не схватил петлю. Он довольно быстро сумел накинуть ее на торчащий вверх выступ скалы и потянул ее к себе, чтобы посмотреть, крепко ли она держится.

— Проворный мальчуган,—пробормотал Панчо Лопец, внимательно наблюдая за его работой и показывая ему руками, что надо делать. Потом он помахал Рональду рукой, чтобы показать, что все ладно.

Панчо сбросил шапку и шерстяную куртку, помочил руки в луже воды на скале и начал карабкаться вверх по веревке, как он это делал на пароходе. Лезть надо было не так уж высоко,

может быть, около тридцати метров,—но все же достаточно высоко для человека с одной ногой. Ронни казалось, что Панчо лезет страшно долго, что лезть ему страшно трудно и опасно, и все это Панчо должен делать из-за него, глупого мальчугана, сидящего теперь на скале „Ворот“. К тому же Ронни хорошо знал, что он никак не должен был быть там, куда он залез.

То здесь, то там на громадной скале были неровности, углубления и выступы, на которые Панчо мог опереться своей здоровой ногой и немного перевести дух, но все же, когда он добрался до вершины, он уже совсем почти выбился из сил. Он даже не мог приласкать Рональда, который готов был, обнимая, задушить его.

— Ты теперь спустишься вниз, молодой человек, так скоро, как ты сможешь,—проговорил Хромоногий, когда он немного отдышался.—Но это последний раз Хромоногий выручает тебя. Он становится уже слишком стар для таких проделок.

Говоря это, он втянул наверх конец веревки и заботливо обвязал Рональда веревкой под мышками. Затем он велел ему сесть у края скалы и спустить ноги вниз.

— Теперь готово. Все в порядке,—сказал Панчо и начал медленно спускать мальчика на веревке вниз. Там подхватила его Лесли.

Старый матрос прислонился спиной к скале, где была привязана веревка, и долго отдыхал и собирался с силами, прежде чем начать самому спускаться по веревке вниз.

Дети, затаив дыхание, ждали, когда он спустится. Когда Панчо благополучно спустился и сидел у подножья скалы „Ворот“, Рональд смущенно протянул ему руку и сказал:

— Мне очень стыдно, Панчо. Я никогда уже не буду таким безрассудным.

— Спасибо вам! И папа и мама тоже скажут вам спасибо,—прибавила Лесли, обнимая шею старика.

— Не стоит благодарить,—улыбнулся Хромонгий.—Каждый помогает друзьям в беде. Ну, а теперь бегите домой и расскажите зрителю, что сделал Ронни, и Лесли пусть расскажет, как она плохо смотрела за братишкой.

Дети простились со старым матросом и потихоньку пошли вверх к маяку, держась за руки. Им очень не хотелось рассказывать отцу и матери о том, что случилось. Но ничего не поделаешь! Рассказать надо!

Старик глядел им вслед, полу-улыбаясь, полу-вздыхая.

— Хорошие ребята,—сказал он.—Славный мальчуган этот Ронни, только слишком похож на котенка. Карабкается так далеко, как может, и никогда не думает, как потом спустится вниз.

Малькольм и Маргарэт Мак-Лин спокойно выслушали рассказ детей.

— Ты должен выучиться быть осмотрительнее, сынок,—серьезно сказал Малькольм.—Ты

должен сам себя как-нибудь наказать, чтобы заставить себя хорошенько запомнить сегодняшнее приключение.

— Я выброшу яйцо, которое я там нашел. Такое удивительное яйцо, какого я еще никогда не видал,—сказал Ронни.

Несмотря на все приключения, мальчик благополучно принес домой яйцо в кармане на груди своей курточки.

— Это было бы глупо,—сказала мать.—Ты был неправ не в том, что старался достать то, что тебе хотелось, а в том, что безрассудно полез вверх, не подумав, можешь ли ты безопасно спуститься.

Ронни снова стал думать, как себя наказать.

— Я не спущусь вниз к Хромононому целый месяц,—сказал он со слезами в голосе.

— Это наказало бы Лесли так же, как и тебя. Она ведь без тебя тоже не пойдет,—сказал отец.—Подумай еще.

— Но я ужасно хочу быть тоже наказанной,—прервала Лесли.—Я не смотрела за Ронни, а я старше, чем он.

При этих словах сестры мальчик весь вспыхнул.

— Тогда я позволю Лесли целую неделю водить Дженни Линд на водопой,—воскликнул он,—хотя вы всегда и говорите, что это мужское дело.

— Вот это хорошо придумано,—сказал отец.

— И я не буду есть своего пуддинга целую неделю и, может быть, мне лучше пойти теперь в постель и не слушать, как вы будете вечером

читать следующую главу „Робинзона Крузо“.—Тут Ронни чуть не заплакал, но все же решительно пошел вверх по лестнице, все еще сжимая найденное с таким трудом яйцо в своей грязной руке.

— Ой, папа, ой, мама!—запротестовала Лесли, —ему совсем не хочется спать, а он идет! Бедный Ронни!

— Бедному Ронни надо выучиться думать, прежде чем он что-нибудь делает,—сказал спокойно отец.

VII.

В тумане.

„Голубо-зеленый, зелено-голубой
Самый красивый огонь передо мной“,

напевал Рональд, сидя в общей комнате у очага в один туманный вечер в конце лета.

Это, правда, был один из „красивых“, если не самый красивый огонь, какой когда-либо горел в их очаге, потому что в очаге горели сухие дрова из обломков старого судна, потерпевшего где-то крушение. Эти обломки прибило морем к острову. Дрожащие огоньки были бледные, голубовато-зеленые, темно-зеленые и желтые, а внизу, у самых дров, огонь был почти красный.

— Я подобрал эти обломки утром на берегу,—сказал мистер Мак-Лин, с удовольствием глядя на веселый огонь,—и привез их вместе с маслом в повозке на Дженни Линд. Их, должно быть, принесло с давным-давно затонувшего судна „Гамбург“.

— Когда он потерпел крушение, папа?—спросил Рональд.

— Давным-давно. Это было ночью. Был такой же туман, как сегодня,—ответил отец, тревожно поглядывая на окна, затянутые белым туманом.—Капитан „Гамбурга“ правил прямо на нас,—рассказывали спасшиеся матросы,—надеясь разглядеть свет маяка через туман. Но он так и не разглядел света маяка, так как в тумане его совершенно не было видно. А в реве океана они не слышали рева сирены. Судно погибло в узком проходе между двумя островками, получив огромную пробоину о подводную скалу. Люди были все спасены, но прекрасное судно до сих пор лежит там на дне. В этом месте море так глубоко, что нельзя разглядеть даже верхушек его мачт.

— Не было бы сегодня такой же беды,—вздыхнула Маргарэт Мак-Лин.

Они сидели, как обычно по вечерам, все вместе. Маргарэт Мак-Лин вязала, ее муж читал, а Лесли и Рональд играли в шашки. Даже Ворон Джим, полусонный, сидел тут же на спинке стула.

Туман тянулся от моря тонкими белыми полосами уже много часов. Ночью он непременно сгустится в толстое белое одеяло и окутает все кругом.

Свет маяка, как сказал отец, уже едва можно было различить за сто ярдов от башни. Поэтому, чтобы предупредить пароходы об опасности, с маяка несли протяжный, пронзительный рев особенного прибора—сирены. Казалось, сирена кричала: „Опасность! Опасность! Держись да-альше! Держись да-аа-льше!“

Хорошо, что у маленькой семьи на маяке всегда было чем заняться и некогда было скучать. Хотя пароходик привозил им письма и газеты всего раз в два месяца, зато у них всегда под рукой были хорошие книги, и их можно было читать и перечитывать. На маяке был, конечно, и телеграфный аппарат, но им они могли пользоваться только в случае опасности, смерти или болезни, когда нужно было вызвать доктора или получить лекарство. Они все так привыкли к одиночеству, что и не думали о том, чтобы часто получать письма и известия обо всем остальном мире.

„А-а-а-ах! А-а-а-х!“—застонала сирена, и миссис Мак-Лин подняла голову от своей работы.

— Заметил ли ты, отец,—спросила она,—в последнем номере „Хроники Сан-Франциско“ напечатана история о восьмилетнем мальчике, которого пытался унести орел?

— Да. Я думал, что я рассказывал вам об этом, когда прочитал. Почему ты вспомнила об этом?

— Почему? Потому что Панчо Лопец тоже читал это, и он сказал, когда приходил сюда сегодня, что это „сумасшествие“ писать такой вздор,—что никакая птица не может поднять такую тяжесть.

— Нет, это не так,—сказал Малькольм. Дети сейчас же оставили шашки, услышав разговор отца с матерью, и приготовились слушать.—Я не слышал, чтобы орлы уносили таких больших мальчиков, но знаю, что орел может утащить малень-

кого ребенка. Я думаю, что они могут поднять гораздо больше, чем весят сами, а орел, ведь, тяжелая птица. По крайней мере сокол и ушастая сова могут столько поднять. Я знаю, что ушастая сова поднимает большую домашнюю кошку и улетает с ней. А она вдвое меньше кошки. Вероятно, орел может унести еще больше. Его лапы и крылья страшно сильны.

Рональд, как только разговор зашел об орлах, соколах и ушастых совах отошел от стола и прислонился к ручке отцовского кресла.

— Я подумал, папочка,—сказал он, ласкаясь к отцу,—что сегодня как-раз подходящий вечер, чтобы ты рассказал нам историю о ребенке, которого утащил орел на гору Гаррисона, когда ты был еще маленьким мальчиком на Майне. Я думаю, что я слышал ее не больше одного раза с тех пор, как я живу в этой стране.

Мак-Лин засмеялся.

— Я не рассказчик,—сказал он,—и очень хорошо, что я не рассказчик. Если бы не только Панчо с его рассказами, да ваша мать с ее сказаниями, а еще бы и я стал вам рассказывать, вы бы, дети, никогда не выучились читать.

— Уж лучше помолчать о моих сказаниях,—пошутила Маргарэт.—Ты сам их любишь слушать не меньше, чем дети. Расскажи мальчику о белоголовом орле. Я сама с удовольствием снова послушаю это.

— Это случилось давным-давно,—начал рассказывать Мак-Лин.—Незадолго до этого умерли

мой отец и мать, и меня увезли к дяде на ферму на Майне.

Мы знали, что пара старых белоголовых орлов вила себе гнездо прямо на виду у всех жителей долины на недоступном утесе горы Гаррисона. Мы слышали их крики над нами каждую весну, когда они возвращались, чтобы устроиться снова в своем старом гнезде. А когда были положены яйца, и орлица садилась согреть их, много ягнят и поросят бывало унесено ей на обед старым орлом. Матери особенно внимательно смотрели за своими детьми первые недели. Но так как ничего не случалось, они, конечно, начинали думать, что ничего и не может случиться.

— А разве орлы действительно больше любят есть детей, чем ягнят?—испуганно спросила Лесли.

— Ну, конечно, нет. Орел просто видит что-то живое, что может быть пригодно для еды, и хватает это. Ну вот,—однажды, в теплое весеннее утро, когда цвели яблони, миссис Шадуелль положила своего маленького мальчика полежать на траву под присмотром его старшей сестры, а сама отошла всего на несколько минут. Вдруг мимо окна мелькнула тень. Мать услышала хлопанье громадных крыльев, крики и в ужасе побежала на двор как-раз в то время, когда старый белоголовый поднимался в воздух с ее ребенком в когтях. Миссис Шадуелль кричала и кричала и, схватив большой пастуший рог, начала трубить и трубить, чтобы призвать мужа и других мужчин, работавших в лесу.

Через несколько минут сбежались соседи и ясно увидали, как громадная птица кружится над гнездом с белым свертком в когтях. „Ах, они растерзают на куски моего Вилли! О, спасите его, спасите его“, кричала мать ребенка.

Но как они могли спасти его? К счастью, в нашем селении был в это время старый охотник,—они его звали „Дэв“—я никогда не слышал его настоящего имени. Дэв тоже услышал звук рога и прибежал, поняв, что случилось несчастье.

Он зарядил свое длинное ружье и побежал по направлению к мосту, откуда лучше можно было разглядеть орлиное гнездо. Там он встал на колени и прицелился. Отец ребенка бежал за ним. Он страшно боялся, что Дэв убьет его ребенка. Но старый Дэв махнул рукой, чтобы все замолчали и не мешали ему, и наблюдал за орлом, парящим наверху, и орлицей, кружащейся и кричащей над гнездом,—и ждал.

Я был тогда мальчиком, но я никогда не забуду того ужаса, с каким мы все ждали выстрела Дэва. Стрелять приходилось на громадное расстояние. Правда, наши лучшие стрелки и на таком расстоянии почти всегда попадали в цель.

Будет ли удачен выстрел старого охотника? Сумеет ли он не задеть ребенка?

Наконец, орел стал медленно спускаться к гнезду, где его птенцы кричали, требуя пищи, и как-раз в тот момент, когда орел достиг площадки, где было выстроено гнездо, Дэв выстрелил.

Мы затаили дыхание, но раньше, чем рассеялся ружейный дым, мы увидели, как падает голова могучей птицы. Дэв опять махнул рукой, снова требуя, чтобы мы молчали, и во второй раз зарядил свое ружье, потому что орлица стала медленными кругами спускаться вниз, чтобы посмотреть, что случилось в гнезде. Старик был удивительным стрелком, самым лучшим, какого я когда-либо видел. Он выстрелил опять как-раз в тот момент, когда она вытянула ноги, чтобы сесть, и через секунду мы увидели, как она падает с утеса.

— А!—воскликнул Рональд, с блестящими от возбуждения глазами,—и тогда мать узнала, что ее ребенок в безопасности!

— Не совсем,—ответил Мак-Лин.—Она еще ничего не знала и никто из нас не знал. Как могла она знать, не были ли молодые орлы настолько велики, что могли разорвать ребенка на части? Как могла она знать, что он не пошевелится и не скатится с утеса?

Нет, нет, надо было еще достать его из гнезда, а, чтобы сделать это, надо было вскарабкаться по утесу, чего ни один из жителей этой долины, даже самый ловкий, никогда не делал. И им, может быть, не удалось бы забраться туда, если бы не старый Дэв. Я тоже помогал мужчинам нести лестницы и веревки к подножью скалы. Я видел, как они карабкались так высоко, пока только можно было зацепиться ногой, а потом подставили лестницу к суковатому дубу, росшему на

одной из скал там наверху. Дэв вскарабкался на дуб, втянул за собой лестницу и поставил ее на ветви дуба, привязав ее к его стволу. Отец ребенка лез за ним по другой лестнице, которую принесли мужчины. Он следовал за Дэвом, пока они не оказались на той части утеса, где они могли лезть без лестниц, хватаясь за жесткий кустарник, и, наконец, они добрались до вершины утеса.

Но тогда, видите ли, они оказались слишком высоко, и старый Дэв привязал отца ребенка на веревку и спустил его вниз к гнезду, которое было устроено на небольшой неровной площадке, ниже того места, где они стояли.

— Бедная мать, — вздохнула Маргарэт, — не знать столько времени, жив ли ее ребенок!

— Она узнала это теперь очень скоро, — сказал ее муж, — потому что, как только отец ребенка нашел его живым, он поднял его так, что все могли его видеть. И тогда, слышали бы вы, какой поднялся из долины крик радости!

— Но как же они спустились с ребенком вниз? — спросил Рональд.

— Они спустили его почти так же, как Панчо однажды спустил тебя тогда со скалы. Они привязали его на веревку и спустили вниз к подножью первой лестницы в руки мужчин, которые ждали его там. А это были хорошие, сильные руки, — на них можно было положиться, что они принесут ребенка невредимым к матери.

Это был удивительный случай. Я никогда не забуду его, хотя я и не вспоминаю о нем целыми годами, — закончил свой рассказ Мак-Лин.

— Как ты думаешь, мама,—задумчиво спросила Лесли,—если бы маленькая сестра смотрела хорошо за ребенком, может быть, орел не унес бы его?

— Этого я не могу сказать,—ответила мать,—орел бесстрашная, дерзкая птица. А вот, что я могу сказать, так это то, что время вам обоим быть в постели.

— Ночь давно уже настала,
Полезай под одеяло!—

придумала сейчас же Лесли.

— Ох-ери, подожди,
Не хочу я спать итти!—

воскликнул Рональд.

В этот вечер Лесли долго не могла заснуть. А заснув, наконец, она вдруг проснулась от какого-то испуга. Что испугало ее, она и сама не знала. Она подбежала, босая, к окну, чтобы посмотреть, поднялся ли туман. Кругом было ясно, и лучи лампы маяка ярко далеко освещали волны океана. Когда Лесли уже шла к своей постели, она в удивлении остановилась перед кроватью брата: на подушке не было его темной головы. Где же был Ронни? Она заглянула за шкаф, под постель и во все углы, думая, что, может быть, мальчик спрятался, желая напугать ее. Но нет, Ронни нигде не было.

Она с криком побежала к матери.

— Что такое, Лесли? Ты больна?—спросила Маргарэт Мак-Лин.

— Нет, мама, но я не могу найти Ронни, его нет в комнате.

— Не находишь Ронни?—В одну минуту мать надела туфли и старую шаль и пошла следом за Лесли. Малькольм шел за ними, одеваясь на ходу. Они снова оглядели каждый угол в комнате, где спали дети. Потом Малькольм сбежал вниз, но и там не было Ронни, и все двери были заперты на задвижку.

— Чердак!—воскликнула Маргарэт. Но нет, и эта дверь тоже была заперта на задвижку.

— Тогда он должен быть в башне,—сказал отец и побежал вверх по витой лестнице. Лесли и ее мать побежали за ним.

Наверху все было спокойно: лампа прекрасно горела и бросала свой свет сквозь безупречно чистое стекло, оберегающее ее от ветров. Все было в порядке, только маленькая дверь на балкончик была открыта, и все трое бросились туда.

— Тсс!—шепнула Маргарэт.—Не говорите с ним! Он спит.

Действительно так и было. Мальчик стоял, прислонившись к перилам балкончика, в белой ночной рубашке, с крепко закрытыми глазами.

— Подойди тихо и возьми его на руки, Малькольм,—шепнула Маргарэт,—так, чтобы его не испугать.

Отец осторожно поднял Рональда на руки и понес его вниз. Мальчик не проснулся, пока отец нес его по лестнице, уложил его в постель, и мать подоткнула плотнее вокруг него одеяло.

Миссис Мак-Лин долго сидела у постели мальчика и ушла только тогда, когда убедилась, что Ронни и Лесли оба спят сладким, спокойным сном.

Утром, когда Рональду рассказали об его удивительных ночных похождениях, он не хотел верить этому.

— Что ты такое видел во сне, Ронни, что полез на башню?—спрашивала Лесли.

— Я вспомнил!—воскликнул мальчик,—я вспомнил теперь! Я видел во сне, что я старался влезть на скалу, чтобы добраться до орлиного гнезда.

— Тогда в будущем,—пошутил отец,—если ты решишь лазать ночью так же, как лазаешь днем, ты, пожалуйста, привязывай бечевку к ноге, когда ты ложишься спать, а другой конец привязывай к спинке кровати Лесли. Тогда, по крайней мере, у тебя будет товарищ для прогулок.

VIII.

Лесли, спасай!

Прошло много, много недель, очень похожих одна на другую. Но вы можете быть уверены, что они вовсе не казались одинаковыми для людей, живущих на острове. То приходилось позаботиться о жилище для домашних животных, то лазать за козами и козлятами на высокие скалы и спасать их, то ловить Дженни Линд, потому что она часто удирала, когда ей казалось, что ее собираются запрягать.

У детей были книги и уроки. Они собирали мох и ракушки для своих занятий, а дни густого тумана или особенно сильного, свирепого ветра они проводили в Стране Хумпти-Думпти, играли в куклы, приводили в порядок свои коллекции, столярничали, вырезали и наклеивали картинки. Один раз они выдумали надеть на Джима бусы и ленты и красивые яркие лоскутки, которые хранила Лесли. Джим важно ходил по чердаку в этом удивительном наряде.

„Хе, хе, хе! Хе, хе, хе!
Ворона на песке!
Пресмешная самая из птиц
Ты у нас на маяке“,

распевал Рональд, глядя на Джима.

— Ах, Ронни,—остановила его Лесли,—это нехорошее стихотворение.

— Почему это? А по-моему это выходит очень хорошо.

— Нет, оно слишком длинное посредине. Оно должно быть так:

„Хе, хе, хе! Хе, хе, хе!
Вот ворона на песке!
Пресмешнейшая из птиц
Ты у нас на маяке“.

— Ну, хорошо, может быть это и лучше,—согласился Рональд и запел стихи, поправленные Лесли, так весело, что ноги его сами запрыгали в такт.

— Ой, тише, Ронни!—воскликнула Лесли,—ты все уронишь. Знаешь, я надеюсь,—сказала она,

прижимая к щеке ворона, который ласкал ее своим клювом,—я надеюсь, что отец позволит нам взять с собой старого Джима, если мы уедем отсюда.

— Почему же нет? Разве мы не возьмем с собой все, что у нас здесь?—спросил мальчик с удивлением:—Дженни Линд, и Джима, и коз, и ... нет, конечно, не кроликов.

— Ни Дженни Линд, ни даже коз,—сказала, качая головой, Лесли.—Они принадлежат правительству,—знаешь, кому принадлежит маяк. Так говорит отец.

— А Панчо тоже принадлежит правительству?—спросил Рональд. Он очень боялся, что Лесли ответит ему „да“.

— Я не знаю,—ответила с сомнением Лесли,—но я думаю, что он должен быть наш, так что мы, уезжая, непременно возьмем его с собой.

Незадолго до этого разговора приходил маячный пароход и привез от „правительства“ большое, с большой печатью, письмо Малькольму Мак-Лин. Снаружи это было самое обыкновенное письмо с жалованием или с извещением о том, сколько посылается для маяка масла и продуктов. Но на деле, когда открыли конверт, оказалось, что оно содержало такое известие, которое перевернуло всю их жизнь.

„Правительство“ извещало, что работа Малькольма Мак-Лин, как смотрителя маяка, была давно замечена, и, приняв во внимание его прекрасную долгую службу, решено назначить его смотрителем на маяк Санта-Барбара, который стоит на материке и не отрезан от других людей.

При маяке был хороший дом для зрителя, достаточно земли для огорода. От маяка было близко до города, где были хорошие школы. Кроме того, Мак-Лин будет получать на новом месте больше жалованья.

Это прекрасное для Мак-Лина известие пришло так неожиданно, что вызвало горячие обсуждения. Рональд заявил, что он никогда не слышал такого интересного письма с тех пор, как живет в этой стране.

— Конечно, я всегда знал, что ты лучший из всех зрителей маяков, — прибавил Ронни. — Я знал это, когда был еще совсем маленьким мальчиком, но я думал, что мы всегда будем жить на острове.

— Я тоже думала, — сказала Лесли.

— Не удивительно, что они так думали, Малькольм, — улыбнулась их мать, — когда они оба родились здесь и ничего больше не видели. Я не знаю почему, но я сама думала почти то же самое. Жалко будет оставлять все это, если мы решим уезжать.

— Ну, — сказал Мак-Лин, — мы слишком заговорились, а ведь наш ответ инспектору маяков должен быть написан сегодня же. Ведь он должен быть отослан с пароходом завтра.

— „Бдительный“ придет завтра! Ай, как это хорошо! — кричала Лесли, прыгая и хлопая в ладоши.

— Пой-ери-дем-ери спать-ери ра-ери-но-ери, — прошептал Ронни, отводя Лесли в угол.

— Для-ери че-ери-го-ери? — спросила Лесли.

— Что-ери-бы-ери у-ери-ви-ери-деть-ери па-ери-ро-ери-ход-ери пер-ери-вым-ери! Ты-ери гу-ери-сы-ери-ня-ери! — засмеялся мальчик.

Миссис Мак-Лин, посмотрев на детей, засмеялась тоже.

— Кто же, вы думаете, поймет ваш „тайный язык“, если вы уедете на берег Санта-Барбара, где есть другие люди.

— Мы выучим ему туземцев, как это сделали первые поселенцы, когда они впервые приехали в Калифорнию, — воскликнула Лесли.

Так как маячный пароход приходил на остров только раз в два месяца и больше никакие суда не заглядывали туда, то, конечно, видеть, как подходил „Бдительный“, было великим событием. Все, жившие на острове, волновались и то и дело смотрели в ту сторону, откуда должен был подойти пароход.

Смотритель маяка с Дженни Линд и повозкой был на берегу гораздо раньше, чем мог показаться „Бдительный“. Хромоногий ожидал его уже у дверей склада. Они поздоровались по-морски, и Панчо Лопец пошел навстречу Мак-Лину, чтобы поговорить о ветре и погоде.

Миссис Мак-Лин оставила свое хозяйство и огород и, накинув на плечи шаль, крепко повязав голову платком, стояла в начале тропинки, спускающейся к берегу, откуда все было видно и слышно. Дети сначала стояли около нее, но скоро сбежали вниз по скалистой тропинке к берегу. У них не хватало терпения спокойно ждать.

День был пасмурный, а море тревожное. Воздух был наполнен криками морских птиц. Волны прибоя налетали на черные, зубчатые скалы. Весь этот шум был так знаком жителям острова, что они так же мало замечали его, как жители города замечают стук экипажей и гудки автомобилей.

Дети только что добежали до берега, где Панчо и смотритель маяка готовили свою лодку, чтобы выехать навстречу пароходу, когда на горизонте показалась полоска белого дыма.

— Вон он, вон он, Лесли! Мы пришли как раз в самое время! — крикнул Рональд, прыгая на одном месте.

„Бдительный“ подходил все ближе и при этом делался все больше и больше. Уже было видно не только дым, но и весь пароход. Скоро стало можно различить его мачты, а там и людей на нем.

Наконец, „Бдительный“ остановился и дал громкий свисток. Птицы испугались свистка, закричали еще громче и стали быстрее носиться вокруг скал. Ближе пароход не мог подойти, боясь подводных камней и волн прибоя.

— Ура! Ура! Ура! „Бдительный“! — кричали дети.

Плоскодонная лодка с их отцом и Панчо быстро летела навстречу пароходу. Она то ныряла вниз, то поднималась вверх, — так велики были волны. На острове не было паровой пристани, поэтому доставить на берег все припасы и бочки с маслом для лампы маяка можно было только спустив их в лодку, и в лодке уже везти их к берегу. Это сделать было еще не так трудно,

как перенести весь этот груз с лодки на берег. Правда, для лодки была сделана небольшая пристань, которая выступала в открытое море. Но остров окружал не залив, а открытый Великий океан. У него были не плоские берега, на которые набегают ласковые волны, а грозные скалы, о которые с пеной и шумом разбиваются грозные волны океана.

Дети, не отрывая глаз, смотрели, как причалила лодка к пароходу, как спускали с парохода ящики и свертки. Мак-Лин принимал и размещал в лодке ящики, а Панчо все время работал веслом, чтобы удержать лодку на месте. Наконец, лодку нагрузили, она отчалила от парохода и начала быстро приближаться к берегу.

Не успела она причалить к пристани, как Рональд бросился вперед, чтобы схватить пакет с газетам и письмами, который отец бросил ему в руки. Потом дети начали карабкаться ближайшей дорогой наверх к матери. Мать взяла пакет и побежала к дому. Ветер развеивал ее шаль и юбки. Ей хотелось как можно скорее посмотреть, какие пришли письма.

Дети побежали назад к берегу. Рональд скатился вниз головой с последних ступенек, но быстро поднялся и крикнул сестре:

— Ничего, Лесли! все ладно, кроме расквашенного носа!

Прижав платок к носу, он стоял около Лесли на скале и смотрел, как отец и Панчо разгружали лодку. Больше всего было боченков с маслом.

Потом дети увидали, что на „Бдительном“ началось какое-то движение. Он нетерпеливо запыхтел, как бы говоря: „Спешу! Спешу! Спешу!“, издал громкий прощальный свисток и пошел к следующему маяку. Дети смотрели, как он делался все меньше и меньше и исчезал за горизонтом. Сначала скрылся самый пароход, потом его трубы, наконец, не стало видно и дыма.

Отец и Панчо тем временем перекачивали с берега в склад бочки масла и расставляли их там. Это было уже совсем не интересно.

Так как отец сказал, что им не стоит идти домой, пока он сам не пойдет туда с Дженни Линд и повозкой, дети стали придумывать себе какое-нибудь новое развлечение.

— Я оставила здесь в трещине скалы книгу, — сказала Лесли. — Давай вытащим ее и прочитаем, пока отец не готов.

— Нет, нет, — закричал Рональд, — мне не хочется сейчас читать. Лучше пойдем вон туда, на скалы, — я буду удить.

Когда они добрались до ровной площадки в скалах на берегу океана, Лесли уселась на моток веревок и начала читать. Рональд же нашел свою удочку, надел на крючок приманку и, усевшись на край площадки, начал удить.

Рыбы вокруг острова было очень много, и она была очень крупная. Ронни никогда еще не удил один так, чтобы никто из взрослых не сидел рядом с ним. Он сидел так тихо и так был увлечен своим делом, что и Лесли была за него спокойна. Она видела, что он никуда не убежит

и не полезет, а потому только изредка поднимала глаза от своей книги и говорила:

— Будь осторожнее, Ронни, будь осторожнее.

— Трусливая кошка! Трусливая кошка! — кричал ей в ответ Рональд.

Вдруг раздался долгий, пронзительный крик: „Лесли! Лесли! Я падаю!“ и, вскочив на ноги, девочка увидела, как Ронни скользит по краю площадки. Его тянула за собой удочка. Должно быть необыкновенно большая рыба схватила приманку и дернула лесу. Рональд никак не ожидал этого и потому не удержался на скале. От площадки шла вниз прямая отвесная стена, а у ее подножья был заливчик океана глубиной метра в полтора. Рональд упал в воду, продолжая кричать о помощи.

Лесли не растерялась. Крикнув на помощь отца и Панчо, которые были совсем близко, она бросилась на помощь Рональду с длинным багром, который, по счастью, стоял невдалеке. Она легла на площадку, перегнулась через ее край и поймала багром за одежду Рональда. Она чуть-чуть приподняла его над водой и, стараясь перекрыть шум волн, успокаивала брата: „Ничего, Ронни, отец идет, отец идет!“

Лесли смогла продержаться над водой брата всего с минуту, потому что Ронни был такой тяжелый, да еще барахтался изо всех сил. Выпустить багор она ни за что не хотела и держала его, пока не почувствовала, что она тоже соскальзывает с края площадки и летит в глубину.

Мак-Лин и Панчо, работавшие около склада, услышали отчаянные крики детей. Мак-Лин, а следом за ним Панчо, бежали, как дикие олени, и на ходу сбрасывали с себя одежду. Малькольм вскарабкался на ближайшую к площадке скалу и увидел внизу в воде то высывающиеся из воды, то пропадающие головы детей. Он спрыгнул в воду. Отец поспел как-раз во-время, потому что, когда он схватил Ронни и Лесли и понес их к берегу, они лежали у него на руках, тяжелые и безжизненные, больше похожие на свертки одежды, чем на детей.

Панчо зашел глубоко в воду навстречу Мак-Лину и взял у него Ронни. Долго работали оба они, приводя в чувство детей. Они растирали их, поднимали их руки бесчисленное число раз вверх и вниз, чтобы выгнать воду из легких и заставить вздохнуть. Наконец, они заметили, что у детей чуть-чуть вздрогнули ресницы и появилось легкое дыхание. Оба, Ронни и Лесли, были спасены.

Тяжело ступая вдоль берега по воде, Мак-Лин пробрался к Дженни Линд и ее повозке с Лесли на руках, а следом за ним шел Панчо с мальчиком. В повозку положили брезент, которым обыкновенно прикрывали продукты, когда их везли к маяку, и Дженни Линд повезла детей. Панчо бережно поддерживал их, пока Мак-Лин вел Дженни Линд по рельсам.

Миссис Мак-Лин, когда ее детей не было дома, всегда часто поглядывала в окно. Она увидела Дженни Линд и двух мужчин около повоз-

ки. Она поняла, что что-то случилось, и выбежала навстречу.

Отец и мать подняли детей на руки и перенесли наверх. С детей сняли все мокрое, вытерли их, завернули в теплое одеяло и уложили в постель. Они долго еще плакали и вскрикивали: „мама, мама, мама!“

Когда они успокоились, Рональд подозвал к себе мать и сказал:

— Лесли не виновата, мамочка,—это я сам...
—Ронни едва проговорил эти слова, как уже заснул.

Миссис Мак-Лин сидела возле спящих детей, а отец, рассказав ей все, что он знал о случившемся, спустился вниз и там ждал, когда дети проснутся.

Маргарэт тихо сидела возле кровати. Вдруг Лесли открыла глаза и испуганно спросила;

— Где Ронни?

— Здесь, Лесли, здесь, мамина верная маленькая Лесли! Вот он спит возле тебя,—шепнула, обнимая ее, Маргарэт.--Ты спасла Ронни, моя девочка.

— Мой Ронни!—прошептала счастливым голосом Лесли.—Мой Ронни!—и она снова крепко уснула.

Были уже сумерки, когда Маргарэт Мак-Лин сошла вниз к мужу и Панчо, ожидавшим ее. Старый матрос уже два раза спутешествовал на берег, чтобы посмотреть, не сделали ли чего-нибудь с неубранными еще запасами вороватые кро-

лики, козы или морские птицы. Но он не мог оставаться на берегу и не знать, что делается в маяке.

— Им теперь лучше, отец,—радостно сказала Маргарэт.—Они проснулись и просят есть. Они мне все рассказали. Ронни сделал только то, что он всегда делает, когда мы ему позволяем взять удочку. Но он говорит, что он никогда еще не видал, чтобы так дернула рыба, не видал „с тех пор, как живет в этой стране“.

Тут они все трое засмеялись, услышав любимые слова Ронни. Только теперь они вздохнули спокойно, поняв, что все страшное уже прошло.

Как-раз в это время сверху показалась маленькая голова:

— Мамочка, папочка, спойте „Пенясь, бушуют“. И вы тоже пойте, Панчо. Теперь уже почти вечер. Лесли и я, мы будем подпевать отсюда.

Пенясь, бушуют валы в океане,
Вокруг корабля все грознее они.
Радостно видит моряк, что в тумане
Там, вдалеке, загорелись огни.
Пусть море бушует и волны пусть хлещут
Моряк, ободренный, бесстрашно плывет:
Свет маяка вдалеке ему блещет,
Свет маяка от крушенья спасет.

Слова песни плыли по воздуху через открытую дверь и, может быть, потому, что ветер теперь утих, песня достигла до одинокой лодки рыбака, плывшей недалеко от острова. Тени делались длиннее и длиннее, и скоро маяк уже посылал вдаль свои яркие предостерегающие лучи. А внизу мирно спали дети.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
1. Остров	3
2. Панчо и его каморка	9
3. Свет и маяк	16
4. Ворон Джим	24
5. Прогулка	30
6. Как карабкалась кошка	39
7. В тумане	48
8. Лесли, спасай!	58

ДЕТСКИЕ КНИГИ

- Д'Эрвильи**—Приключения доисторического мальчика. С рис. Облож. в красках. Ц. 75 к.
- Морлей, М.** Ганс из Долины игрушек. Повесть из жизни тирольских горцев. С рис. Облож. в красках.
- Скуайр, Э.**—Дикое сердце. Рассказы о диких животных. С рис. Облож. в красках.
- Горбунова-Посадова, Е.**—Наши зверки. Рассказы для младшего возраста. С рисунками и обложкой в красках А. Н. Формозова. Изд. 3-ье. Ц. 40 к.
- Додэ, А.**—Прекрасная Нивернеза. Повесть. С рисунками. Ц. 35 к.
- Кэз, Д.**—Том из Мирной Долины. Повесть из жизни юных американцев. Рис. и обложка в красках Н. С. Трошина. Ц. 90 к.
- Между жизнью и смертью.**—Сборник рассказов о приключениях Ч. Робертса, Э. Милз и др. С рис. Ц. 40 к.
- Опасные минуты.**—Сборник рассказов о приключениях Ч. Робертса, П. Хауорз и др. С рис. Ц. 40 к.
- Роу, Д.**—Китайчата. Заставки Линг-Джу-Танг. Обложка в красках. Ц. 60 к.
- Фич-Перкинс, Л.**—Дети Великого океана. (Маленькие филиппинцы). С рис. автора. Обл. в красках. Ц. 60 к.
- Фич-Перкинс, Л.**—Маленькие швейцарцы. С рис. автора. Обложка в красках. Изд. 4-ое. Ц. 60 к.
- Фич-Перкинс, Л.**—Смельчаки. (Дети каменного века). С рисунками автора. Обложка в красках. Ц. 70 к.
- Цвильгмейер, Д.**—Веселые приключения норвежской девочки. С рис. Обложка в красках. Ц 1 р.
- Энтвистль, М.**—Дети далеких стран. С рис. Облож. в красках. Ц. 60 к.
-

ПЕДАГОГИКА

Петров, В. В. — Быт деревни в сочинениях школьников. С предисловием М. В. Муратова. Цена 50 коп.

Содержание: Жизнь крестьянского ребенка в его описании. — Взгляд на труд у деревенских школьников. — Развлечения и праздники в изображении детей. — Бытовые изменения в восприятии детей.

Соснина, Л. — История одной школьной общины. С предисловием С. Т. Шацкого. Цена 1 руб.

Содержание: Облик общины (Задачи). — Начало работы. — Дальнейшая история общины. — Воспитатели. — Воспитанники. — Впечатления посетителя. — Из Прощального Сборника. — Из переписки.

Шаррельман, Г. — Методы и техника рассказывания на уроке. Цена 80 коп.

Муратов, М. В. — Оценка и анализ общедоступной книги. В помощь библиотекарю и педагогу. Цена 90 к.

Горбунова-Посадова, Е. и Короткова, Е. — Думайте — не зевайте! — Игры, требующие сметливости и внимания. С рис. Ц. 35 к.

Горбунова-Посадова, Е. и Короткова, Е. — Самодельные игры. — Как их сделать и как в них играть. С рисунками. Ц. 50 к.

1969

Цена 60 к.
р.

21980

60 =

Кооперативное Издательское Т-во „ПОСРЕДНИК“
Москва, 2, Арбат, д. 36, Тел. 4-48-75